

Ожившая в дереве сказка

Если человек в душе художник, то когда-нибудь это непременно выплеснется наружу, даст о себе знать. Так было и с героем нашего документального фильма «Где живёт сказка».

Плотник высшего разряда Владимир Николаевич Зазнобин стал пенсионером. Плотничал он больше полувека. Почти пятьдесят домов поставил в своей родной деревне Горки, что в двадцати двух километрах от старинного русского города Переславля-Залесского. И не просто поставил, а ещё и украсил нарядными наличниками, резными карнизами, свесами, да такими, что залюбуешься.

Труд плотника, как и любое дело на селе, — от зари до зари, тяжёлый, кропотливый, требующий смекалки, немалой силы и, конечно, одарённости, особенно когда надо сделать последние мазки, «навести красоту», как говорит Зазнобин. Наличники, карнизы, колонки крылец резал он не торопясь, с любовью, и всё мечтал в свободную минуту наделать из дерева игрушек детишкам, коней, зверушек разных... Но не хватало на это времени. Как-то однажды вырезал Зазнобин всё-таки всадника-ветряка и поставил его над воротами. Ветряк выпросил у Владимира Николаевича один заезжий художник, заказал ещё, но...

Грянула война. Миномётчик Зазнобин трижды был ранен в голову, контужен, стал плохо слышать.

Вернувшись с многочисленными боевыми наградами в родные Горки, он снова плотничает и опять, как и раньше, — не до развлечений, не до игрушек. Только уйдя на пенсию, старый плотник почувствовал, что теперь он может отдаться, наконец, давнишней своей мечте, преследовавшей его с юных лет. Походил, поездил Зазнобин по музеям, посмотрел народные игрушки, деревянную скульптуру и понял, что особенно близко его сердцу искусство богородских, загорских и ярославских резчиков по дереву. Зазнобину захотелось нечто подобное сотворить самому. Запасся он «балбешками» — чурками из липы, осины, вербы, заготовил масляных красок...

— Сколько я их перепортил, этих «балбешек», — с досадой говорит Владимир Николаевич, — больно вспомнить. Поначалу заготавливал я их совсем не так, как надо. Сниму, бывало, с них кору, а они и расщелятся, вырежу фигурку, а её и «поведёт». Сходил к скульпторам, художникам, узнал, что прямо в коре их надо выдерживать и не меньше трёх лет...

Глядя на работы Зазнобина, думаешь, что мастер занимался ими всю жизнь. Так они совершенны, лаконичны, просты. Избегая излишней детализировки, мастер добивается предельной выразительности образов.

С особым пристрастием и любовью относится Владимир Николаевич к своим скульптурным работам — ветрякам, оживающим на ветру. Чем сильнее ветер, тем неистовее бьют по наковальне теперь уже его — зазнобинские — кузнецы, и похожие на традиционные богородские, и во многом свои. Если те оживить можно только руками, перемещая относительно друг друга планки, к которым они крепятся, то зазнобинским достаточно лёгкого ветерка. Поймает его щепная крыльчатка, завертится и передаст энергию рукам молотобойцев, пильщиков, косцу, правящему косу, ткачихе и её станку, регулировщикам, сове, осматривающей округу. Закачаются на качелях мишка с зайцем, станет бросаться на шатуна-медведя собака охотника...

Все эти фигурки установлены на старом спиленном дереве высоко над землёй на специальной площадке — «верхотуре» — для всеобщего обозрения. И заглядываются на них деревенские ребяташки, взрослые, туристы.

Мастеру — 78 лет. Теперь уже он участник многих внутрисююзных и международных выставок. Его работы включены в постоянные экспозиции музеев народного творчества Ярославля,

Пскова, Москвы. Их высоко ценят художники, о нём снимают фильмы как советские, так и иностранные кинематографисты.

В маленькой кухоньке, где он работает зимой, тесно, но когда мы установили свою осветительную и киносъёмочную аппаратуру и были наконец готовы к съёмкам, Владимир Николаевич с трудом сумел пройти к окну, на своё рабочее место. Мы зажгли наши светильники, мастер принялся за работу — последнюю фигурку композиции «карусели», начатую им ещё до недавней болезни.

Ловко орудуя то топором, то ножом, то стамеской, мастер сосредоточенно трудится, изредка невидящим взглядом поглядывает в окно да на нас, больше о чём-то рассуждающих, чем снимающих. Поначалу он сердито ворчит на свою жену Евдокию Васильевну, уговорившую его дать согласие сниматься в фильме:

— Никогда сниматься больше не буду. Одни хлопоты. Да и фигурку-то я, кажись, спорчу. Руки ещё не очень слушаются. Сильно, видать, поослаб я за болезнь...

А мы, понемногу снимая его день за днём, были свидетелями рождения человеческой фигурки, всё больше оживающей в умелых руках народного мастера. Наблюдали мы и чудо исцеления трудом. Заканчивая очередной съёмочный день, мы просили Владимира Николаевича ничего без нас не делать. Ждать. И каждый наш приезд был для него новой, всё более долгожданной встречей с любимым делом.

В один из последних наших съёмочных дней сказал нам как-то Владимир Николаевич:

— Больше я, наверное, не буду делать игрушек. Буду отдыхать, ходить по грибы, по ягоды, просто гулять, набираться здоровья, сил, да и материал кончается, а я его не заготовил.

— А зимой чем же будете заниматься, зима ведь длинная?

— Зимой без дела сидеть, конечно, скучновато, да и не пробовал я ещё без дела-то, незнакомо мне такое... — Тут мастер задумывается и почти сердито ещё раз говорит. — Нет, больше делать их не буду! Глаза, руки уже не те, да и хозяйка ругается. Ведь столько сору я в передний угол таскаю! Руки всегда в порезах, инструментами рву одежду... Нет! Хватит! — Услышав это нет, мы поняли, что в мастере как бы живут и спорят между собой два человека — один старый, уставший уже от жизни, и другой — художник, неспособный сидеть сложа руки. Поняли, что победы всегда одерживает второй.

Вот о нём — народном мастере Зазнобине и сняли свой фильм кинематографисты «Экрана» режиссёр Александр Садковой и кинооператор Виктор Ёркин по сценарию Валерия Тура.